

ТЮРКСКИЕ И ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ ГИДРОНИМЫ ХАКАСИИ И ГОРНОГО АЛТАЯ И АЛТАЙСКАЯ ТЕОРИЯ

Аннотация: В статье рассматривается один из пластов древних гидронимов Хакасии и Горного Алтая, те названия рек и озер, этимология которых может быть возведена к корням, имевшимся в алтайском праязыке. Основой рассмотрения является алтайская теория, одним из главных постулатов которой является утверждение о существовании одного праязыка. От этого единого корня вначале было несколько ответвлений, от которых, далее, произошли современные тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, японский и корейский языки. Современное тюркское звучание и унифицированная на картах тюркско-русская форма считаются самыми поздними (хотя и окончательными) вариантами искоемых гидронимов.

Ключевые слова: древние названия рек и озер, Южная Сибирь, Хакасия, Горный Алтай, алтайская языковая семья.

Kaksin Andrey Danilovich

N.F. Katanov Khakass State University

Abakan, Russia

TURKIC AND TURKIC-MONGOLIAN HYDRONYMS OF KHAKASSIA AND MOUNTAIN ALTAI AND ALTAI THEORY

Abstract: The article examines ancient hydronyms of Khakassia and Mountain Altai, those names of rivers and lakes, which etymology can be built on the roots from the Altai parent language. The methodological framework of the article is the Altai theory and the hypothesis on the common parent language. This parent language gave birth to modern Turkic, Mongolian, Tungus-Manchurian, Japanese and Korean languages. Modern Turkic sounding and the Turkic-Russian standardized form on maps are considered to be the latest (though final) variants of hydronyms.

Keywords: ancient names of the rivers and lakes, Southern Siberia, Khakassia, Mountain Altai, Altai language family.

В современных условиях возрастает актуальность исследования топонимии с позиций разных лингвистических направлений, в т.ч. двух значимых в данном случае – учения о репрезентации языковой картины мира и когнитивного. Основное предположение сводится к тому, что в основе большинства древних названий лежит яркое и точное определение (эпитет), а часть топонимов имеет смысл трактовать как образования, в основе которых лежит метафоризация. С этих позиций мы и подходили к анализу материала, в том числе – уже описанного (например, в работах В.Я. Бутанаева, Б.К. Ондар). Кроме словарного, мы использовали также материал, изложенный в предшествующей научной литературе [Дульзон, 1959, 1964; Матвеев, 1962, 1985, 1995; Татаринцев, 1976; Молчанова, 1979; Розен, Малолетко, 1986; Мурзаев, 1996; Дмитриева, 2005; Сунчугашев, 2009].

Аналізу подвергались, прежде всего, данные географических карт, топонимических словарей, справочников и энциклопедий; учитывались также результаты поездок в Алтайский, Аскизский, Бейский районы Республики Хакасия [карта Красноярский край, Республика Хакасия, 2013]. Отобранные названия интерпретировались в аспекте заключенной в них информации о жизнедеятельности коренного населения региона.

Топонимия (и особенно – гидронимия) Хакасии и Горного Алтая дает для этой работы очень ценный материал. Речь идет, в первую очередь, о тех гидронимах (преимущественно – названиях рек), которые остались в результате длительного проживания здесь носителей самодийских языков. До широкого распространения на этой территории тюркских наречий здесь были распространены преимущественно южно-самодийские языки. О времени и обстоятельствах прихода самодийцев (и только потом – тюрков) на территорию Южной Сибири много написано (в первую очередь, археологами и историками). Здесь мы приведем взгляд лингвиста-компаративиста на эти древние эпохи: «Продвинувшись на восток до Енисея, самодийцы застали здесь тунгусоязычное население, от которого и заимствовали название этой реки... Определенное культурное влияние оказали на самодийцев и тюрки, которые в последние века I тыс. до н.э. продвинулись в северную часть Алтайского нагорья и на юг западносибирской тайги. ...Совокупность лингвистических данных позволяет предположительно локализовать позднюю самодийскую прародину (накануне распада праязыкового единства) в районе Чулыма – Среднего Енисея» [Хелимский, 1996, с. 102].

А вот что писал по данному вопросу (об отражении в топонимике Хакасии истории заселения региона) выдающийся археолог Л.Р. Кызласов: «Анализ топонимики Хакасско-Минусинской котловины и прилегающих к ней районов свидетельствует о том, что наряду с наслоившимися тюркскими топонимами более позднего происхождения здесь в основном господствовали топонимы, разъясняющиеся из угорских и самодийских языков. По-самодийски: «бю» (тазовские), «би» (энцы), «бу» (койбалы и маторы) – «вода». Этот термин носят следующие названия рек: Холба, Тайба, Колба, Салба (приток Убея), Карасиба, Тебе, Сейба, Буйба, Ирба, Туба, Салба (приток Кебежа), Анбу, Ерба (Чорба) и т.д. [Они] встречаются на единой территории, которая охватывает целиком Восточные Саяны (от р. Оки на востоке и до Енисея на западе), часть Западно-Саянского хребта, где они заходят на левобережье Енисея» [Кызласов, 1959, с. 73-74].

Как видим, выдающемуся археологу и знатоку хакасского языка Л.Р. Кызласову удалось очень наглядно показать, что во всех перечисленных гидронимах сохранились отголоски звучания тех языков, которые исторически предшествовали тюркским языкам на указанной территории. Это были енисейские и уральские языки, и вполне целесообразно, этимологизируя названия, необъяснимые тюркскими корнями, использовать данные по исторически предшествовавшим языкам. Определенная работа в этом направлении была проделана: описаны тюркские топонимы Южной Сибири, самодийские (и енисейские) отделены от них и выделены в отдельные группы [см., напр., Дульзон, 1971; Боргояков, 1973; Молчанова, 1979; Бертагаев, 1980; Бутанаев, 1995, 1999; Ондар, 1995, 2004; Сунчугашев, 2009; Бурыкин, 2011].

Мы полагаем, что объяснение семантики корневого элемента можно поискать в базовом словаре языковой семьи. Проверая эту гипотезу, опираясь на работы компаративистов, словари языков разных семей, мы сочли возможным предложить следующие трактовки названий рек (Хакасии), заканчивающихся на *-ба* (*-бе*, *-бу*). При этом мы ориентируемся в основном на списки Сводеша с данными языков самодийской семьи [<https://ru.wiktionary.org/wiki/>]: там значатся слова камасинского и селькупского языков (соотносимые с ненецкими, нганасанскими и энецкими единицами), которые были использованы в качестве первого компонента при номинации рек (или других водоемов). При этом не исключается, что в ряде названий на *-ба* в первом компоненте репрезентирован все-таки тюркский корень:

Салба: в современных самодийских языках обнаруживаются слова с этим корнем (*сал* / *сол*, *с'ам* / *с'ом*), имеющим значение 'левый'. По всей видимости, название дано исходя из пространственных ориентиров: каждая из этих рек (в статье Л.Р. Кызласова указываются две Салбы) являлась, на взгляд древних, левым притоком другой реки. Вместе с тем уже в древнетюркский период функционировали слова *sal* 'плот из бурдюков' и *sal-* 'пригонять, прибывать' [ДТС, 1969, с. 482], использование которых ведет к возникновению гидронима со значением 'бурливая река (но на ней можно устроить переправу)'.

Ташеба: звучание первого компонента этого названия сближается со словами самодийских языков со значением 'холодно': ср. энецк. *тэчи*, камасинск. *ишишти*. Вероятно, реку могли назвать так потому, что вода в ней была всегда холодная (или местность такая, что людям возле этой реки было холодно). Однако, и на примере слова *Ташеба* можно развивать версию о происхождении некоторых названий как тюркских аналогов существовавшим самодийским. И тогда происхождение данного конкретного названия можно объяснить следующим образом: к тюркскому *таш* 'камень' присоединен самый распространенный на данной территории самодийский апеллятив *-ба* 'вода; река' (протетическое *-е-* могло появиться намного позже).

По другим названиям также наблюдаются соответствия в современном звучании (уже полностью тюркском) и предполагаемом исходном (самодийском). В упоминавшемся списке имеются слова со значениями: 'лёд', 'большой', 'гнилой', 'грязный', 'прямой', 'желтый', 'жир', 'змея', 'озеро'. Все они могли послужить основой при создании названий для рек *Карасиба*, *Ерба*, *Чорба* и других.

По такому же плану можно анализировать модели первоначальных гидронимов на территории (карте) Республики Алтай. На этой территории, ныне занятой тюрками, названия многим рекам первыми также дали енисейские, самодийские и монгольские народы. Для когнитивного описания топонимия рассматриваемой территории также дает очень ценный материал. Так же, как в случае с гидронимами Хакасии, объяснение семантики корневого элемента ищем в базовом словаре языковой семьи. При этом, повторимся, мы ориентируемся в основном на списки Сводеша с данными языков разных семей [<https://ru.wiktionary.org/wiki/>], полагая, что слова енисейского, уральского, алтайского праязыков использовались в качестве первого компонента при номинации рек (или других водоемов). Исходя из этого, стоит допустить глубокое (далее) проникновение древних самодийцев в бассейн верховьев Оби и, далее, Верхнего Енисея. Тогда становятся объяснимы многие гидронимы (названия рек), смысл которых выводится из материала тюркских и монгольских, а также и других, языков. Например: *Союзга* – по всей вероятности, гидроним субстратного происхождения. Но, возможно, в его составе содержится тюркский элемент, возводимый к корню со значением 'рвать, обры-

вать'. (Это лишь предположение). А этимологию первого элемента можно объяснить наличием слова уральского праязыка со значением 'глаз (глаза)': «глаз: *šilmä > ф. *silmä*, эс. *silm*, с. *cal'bme*, э. *сельме*, м. *сельмя*, мр. *сынза*, *шинча*, у. *син*, *синь* (*синм*, *синьм*-), к. *син* (*синм*-), х. *sem*, мс. *sam*, *šäm*, в. *szem*, сам. н. *sew*» [Основы..., 1974, с. 400]. Исходя из этого предположения, первоначальной мотивацией служило то обстоятельство, что эта река или протока была 'зримая, (ясно) видная'.

Как показывает опыт этимологизации анализируемых гидронимов (по большей части – названий рек, в меньшей степени – озер), главным признаком водоема, на который обращали внимание первые насельники, был пространственный: в каком месте находится водоем, как он видится людям в системе сложившихся пространственных ориентиров. На наш взгляд, именно особенности окружающего рельефа обусловили название многих рек региона.

Таким образом, анализ языкового материала позволяет понять, какие воззрения древних отразились в тех названиях, которые они дали окружающим их рекам, речушкам, озерам. Если анализировать корни искомым слов (во многих случаях второй элемент, действительно, воспринимается как апеллятив со значением 'вода / река'), достаточно легко приходит мысль о том, что они (эти корни) – суть определения или эпитеты, называющие ту или иную характерную особенность конкретной реки.

Топонимическая система двух рассматриваемых территорий определенным образом связана со сменой господствовавших на ней языков. Опираясь на труды компаративистов, можно постулировать длительное "пребывание" на этой территории енисейских и самодийских языков, их длительный контакт с монгольскими языками, и только после этого – приход тюрков. Родство тюркских и монгольских языков неоспоримо, но можно обратить внимание на то, что термин "алтайская" для этой семьи – достаточно условный даже в географическом смысле. В настоящее время превалирует точка зрения, что прародина алтайских языков находилась достаточно далеко от Алтайских гор.

Считаем, что, только придерживаясь традиционного, компаративистского, мнения по поводу единства алтайской семьи, можно привести в систему все новые данные по алтайской языковой семье (результаты последних лингвистических и археологических исследований) и комплексно обосновать точку зрения об удаленности прародины алтайских языков от Алтайских гор. Сравнивая гипотетическое развертывание в пространстве двух языковых семей (уральской и алтайской), для уральских языков можно констатировать параллельное (сбалансированное, равномерное, почти в едином ритме) развитие двух частей ("крыльев"). Когда единая семья распалась, одна из частей "сдвинулась" в сторону невысоких в этом месте Уральских гор, т.е. в сторону Европы. Впоследствии она разделилась на три потока: 1) в бассейн Печоры и оттуда – на запад (саамы); 2) в бассейн Камы и далее (прибалтийско-финская, финно-волжская, финно-пермская ветви); 3) на юго-запад, а затем в разных направлениях – на запад (венгры), на север (манси) и северо-восток (ханты). Вторая "половина", самодийская, двигавшаяся в юго-восточном направлении, заняла бассейн Средней Оби с ее притоками, Северный Алтай, Присяянье; лишь потом началось движение самодийцев на север [Хелимский, 1996, с. 101-102].

Алтайская семья, очевидно, имела прародиной довольно большую территорию к югу от Байкала, включая окрестности оз. Хубсугул и бассейн верхней Селенги. Затем, до оформления твердого, устойчивого языкового единства, от этой территории (на которой остались монголы) поочередно отошли тюрки, предки корейцев и японцев и тунгусы-маньчжуры. Началось их отдельное, независимое друг от друга развитие. Но впоследствии тюрки и монголы, недалеко от общей прародины, встретились снова. Но, как известно, до этой встречи тюрков и монгол в Присяянье, монголы, пришедшие туда раньше, уже успели вступить в контакты с самодийцами и енисейскими народами. Отсюда и многочисленные перекрестные заимствования во всех названных языках, а также те гидронимы (или их элементы), выяснением семантики которых мы занимались.

Литература

- Бертагаев Т.А. О монгольских и бурятских гидронимах // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 124-129.
- Боргояков М.И. К вопросу об этимологии гидронима «Молочный» // Советская тюркология. 1970. №5. С. 85-87.
- Боргояков М.И. О происхождении названия Сора // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1973. Выпуск XVIII. С. 142-144.
- Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края / Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. Абакан, 1995. 268 с.
- Бутанаев В.Я. Хакасско-русский этнографический словарь / Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова. Абакан, 1999. 237 с.

Бурыкин А.А. Иноязычная ономастика русских документов XVII–XIX вв., относящихся к открытию и освоению Сибири и Дальнего Востока России, как исторический источник. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2011. 476 с.

Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 580 с.

Древнетюркский словарь (ДТС) / Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.

Дульзон А.П. Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск VII. Абакан, 1959. С. 93-102.

Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири как один из источников ее древней истории // Из истории Кузбасса. Кемерово, 1964. С. 246-252.

Дульзон А.П. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. М.: Наука, 1971. С. 198-208.

Красноярский край. Республика Хакасия: Туристская карта. Выпуск 3, обновленный. Масштаб 1:650000 / Красноярский филиал ФГУП «Госцентр «Природа»»; ИИЦ «Ориент». Красноярск, 2013.

Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск VII. Абакан, 1959. С. 70-92.

Матвеев А.К. Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. С. 127-142.

Матвеев А.К. Топонимия Урала: Учебное пособие. Свердловск: УрГУ, 1985. 76 с.

Матвеев А.К. Аппелятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания. 1995. №2. С. 29-42.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. 397 с.

Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М.: Издательство восточной литературы, 1996. 253 с.

Ондар Б.К. Краткий словарь гидронимов Тувы. Кызыл, 1995. 48 с.

Ондар Б.К. Топонимический словарь Тувы / Тывинский государственный университет. Абакан, 2004. 256 с.

Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

Розен М.Ф., Малолетко А.М. Географические термины Западной Сибири. Томск: Издательство Томского университета, 1986. 205 с.

Сунчугашев Р.Д. Топонимия Хакасии / Научный редактор И.В. Кормушин. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2009. 198 с.

Татаринцев Б.И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976. 129 с.

Хелимский Е.А. Очерк истории самодийских народов // Финно-угорский мир (Справочник по истории, культуре и языку). Будапешт-Москва, 1996. С. 101-115.

https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Списки_Сводеша_для_монгольских_языков

https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Списки_Сводеша_для_самодийских_языков

https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Списки_Сводеша_для_тюркских_языков

https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Списки_Сводеша_финно-угорских_языков